

Разный Маяковский

«Милостивые государыни и милостивые государи!

Я — нахал, для которого высшее удовольствие ввалиться, напялив желтую кофту, в сборище людей, благородно берегущих под чинными сюртуками, фраками и пиджаками скромность и приличие.

Я — циник, от одного взгляда которого на платье у оглядываемых надолго остаются сальные пятна величиною приблизительно в десертную тарелку.

Я — извозчик, которого стоит впустить в гостиную, — и воздух, как тяжелыми топорами, занавесят словища этой мало приспособленной к салонной диалектике профессии.

Я — рекламист, ежедневно лихорадочно проглядывающий каждую газету, весь надежда найти свое имя...

Я — ...» — так провоцировал и дразнил читателей двадцатидвухлетний поэт в статье «О разных Маяковских» летом 1915 года. Дерзкий вызов был брошен на «Вечере пяти» в петербургском кабаре «Бродячая собака» ещё 11 февраля, когда поэт довел публику до обморока экспрессивными образами и ненормативной лексикой стихотворения «Вам!». Ахматова, вспоминая то событие и чтение Маяковского, писала, что таким и запомнила его — красивым, молодым, большеглазым — среди шокированной публики: он «стоял на эстраде совершенно спокойно и, не шевелясь, курил огромную сигару...»

Действительно, у него незабываемое лицо, которое и сейчас узнаётся мгновенно. Лицо незаурядно-

го человека, которое, даже если бы этот человек не был поэтом, приковывает взгляд. А он был гениальным поэтом — Маяковским. Что же касается желтой кофты, то да, искусством визуальной актуализации вещей Маяковский овладел задолго до современных перформансов и инсталляций и отлично умел сделать костюм, повседневные реалии быта эффектными и яркими, обыгрывая одни и те же предметы и образы в словах и образах. Жёлто-черная полосатая кофта и цилиндр мгновенно выделили его талант в число заметных и знаменитых. Вызывающая, божественная одежда молодого поэта скрывала бедность и была одновременно выразительным художественным жестом:

Невероятно себя нарядив,
Пойду по земле,
Чтоб нравился и жегся...

И вот уже второе столетие — и нравится, и жжётся. Причем в разное время — разными своими стихами и проявлениями темперамента.

Так какой же он, Маяковский?

Творческая персонификация Маяковского может быть представлена самыми разными образами его поэзии. В ранней лирике это «бесценных слов мот и транжир» в вызывающей желтой кофте; поэт «с душой, натянутой как нервы провода»; заморский страус или крикогубый Заратустра; и даже «не мужчина, а облако в штанах» и т.д. Продолжают эту галерею образов «не для денег родившейся» герой Джека Лондона с киноплаката одноименного фильма, а потом «летающий пролетарий», стихотворец, запросто беседующий солнцем, или «людогусь», разговаривающий с Эйфелевой башней. Влюбленный Щен и советский человек-завод, «вырабатывающий сча-

стве». — это тоже Маяковский. А еще «ассенизатор и водовоз», и он же — автор поэм «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!».

Он всегда жил и писал, как будто на площади, на трибуне, на подмостках сцены, обращаясь ко всем и рассказывая о себе. «Я!» — так называлась его первая книга, куда вошли четыре стихотворения (1913). «Я сам» — это уже его автобиография, где события тридцатипятилетней жизни, изложенные лаконично и кратко, сведены всё к той же ясной позиции: «Я — поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном — только если это отстоялось словом».

И в этой роли — роли Поэта — он убедителен, неподражаем, хотя она для него не единственная. Его поэтический дар был оттенен и отточен многими способностями и талантами: художник, публицист, драматург, актер, оратор — и всегда смотрящий в будущее борец за новое искусство и его продвижение в массы. Словами его друга и соратника, поэта Бориса Пастернака, новизна у него была «климатически в крови».

Когда футуристическое время сменилось советским, Маяковский, зачисленный литературной критикой в «попутчики», оставался в авангарде борцов за новое искусство. Работал агитатором и пропагандистом в газете, рекламе, плакате, писал публицистические пьесы-обозрения, высмеивал пороки молодого государства и будто сквозь «увеличивающее стекло» сатиры показывал мещанские и бюрократические замашки своих сограждан.

Государственные задачи он решил сделать своими творческими задачами и жестоко поплатился за это.

Сменив вызывающую кофту на респектабельный костюм, он по-прежнему жил жизнью Поэта,

подчиняя ей свое человеческое существование. Обожаемый молодежью — «Авторитетов не было, но был бог: Маяковский», как говорил его младший современник Лев Славин, — он при всей своей знаменитости вызывал настороженность власти, был фигурой спорной и далеко не самой удобной для официального признания.

Когда накал авангарда совпал с исторической ломкой, обрушивающей «тысячелетнее "прежде"», революционерам от искусства казалось, что именно им предстоит открыть людям новый «солнечный край непочатый», указать путь к нему: «Идем запутавшемуся миру на выручу!» Поэтому: кто там шагает правой? — это был вопрос выбора, прорыва, победы. Но не прошло и десяти лет, как Маяковскому самому пришлось отвечать на неудобные вопросы. «Держась левейшего, почему не партийный?» Или: «Ваши стихи непонятны пролетариату, для кого же вы их пишете?» В этом строю ему уже не было места.

И тогда, будто освобождаясь от всего лишнего и наносного, он сделал свой шаг левой... «через хребты веков и через головы поэтов и правительств».

После рокового выстрела 14 апреля 1930 года, потрясшего всю страну, он сначала был полузабыт, а потом назван «лучшим советским поэтом», что, безусловно, было правдой, но вычеркнуло из его биографии всё неудобное, острое, обремененное «порочащими связями». Следом наступило время, когда с «парохода современности» советского Маяковского скинули, предъявив читателям исключительно бунтаря и футуриста в образе «жгучего красавца» — в цилиндре и лайковых перчатках. Наконец, возник «Лиличкин» Маяковский, тем более что своей музе, Лиле Брик, он действительно посвятил всё им написанное. Как

бы там ни было, в наш век Маяковский перешагнул уверенно, благополучно освободившись от идеологических скреп. Думается, что и мещанские, обывательские представления о нём ждёт та же участь.

В этой книге — «разный Маяковский», хотя в ней лишь малая часть из написанного им. Шесть разделов отражают важнейшие темы его творчества:

Кофта фата — сюда вошли ранние стихи, в которых молодой бунтарь представлен как поэт, художник, узнаваемый «нахал в желтой кофте».

Любовь — это сердце всего — строка из письма Маяковского. Без этой темы невозможно представить себе ни одного поэта. «Громада любовь» — нерв лирики Маяковского.

Выволакивайте будущее — современник и глашатай революции, Маяковский навсегда останется ее поэтом, пристрастным и преданным. Он был нужен революции, как и она — ему: стопроцентное совпадение. В этом разделе стихи о мечтаемом будущем. Каким оно виделось поэту?

Идем путешествовать — он много ездил по стране и за рубежом, выступал, мечтал совершить кругосветное путешествие. Удивлялся и пристрастно сравнивал «их» настоящее с «нашим» будущим. Здесь стихи об этом.

Плохо. О дряни — в советской действительности ему многое не нравилось. К тому, что мешало идти вперед, раздражало глупостью и пошлостью, был беспощаден, обрушиваясь сатирой на пороки человеческого общества. С их «клопиной» обывательской сущностью Маяковский не хотел примириться.

Работа поэта — фантастическая по напряжению, целенаправленная и многофункциональная, как ра-

бота большого завода. Титаническая — как ни у кого в XX веке. О том, что такое поэзия, зачем и для чего она нужна он размышлял много, выдавая формулы о назначении поэта и поэзии одну лучше другой. Рабочее слово «мастер» было для него синонимом к слову «поэт».

Поэтическая речь Маяковского требует читательского усилия — думания, чувствования, погружения в ритмы и образы невероятного эмоционального накала. И этот опыт чтения у каждого свой — его нельзя преподнести извне.

Трудность и в том, что в его стихах много личного, пережитого — они наполнены людьми, реалиями быта, литературной борьбой, событиями социальной и политической жизни, на которые реагировал и откликался поэт. Поэтому некоторые подробности, обстоятельства, биографические пояснения и справки — капли из реки времени «по имени "Факт"» — собраны в комментариях и могут пригодиться для лучшего понимания произведений.

Он хотел был понят своей страной, своими читателями, был убежден, что переиграет время, не исчезнув из него до конца. И был прав: его читают, слушают, поют, увлекаясь мощной энергией, драйвом, размашистым шагом его стихов.

А сам он по-прежнему маячит где-то впереди: «...Едва ли кто-нибудь из вас точно знает события конца XXI века.

А я знаю».

Лафиса Алексеева

I.
Κοφτα φατα

А ВЫ МОГЛИ БЫ?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.

На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.

А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

1913

Карта будня — ср. с франц. *Carte du jour* — карта дня, т.е. меню с дежурным набором блюд. Здесь перед нами стихи художника, открывающего мир заново и жаждущего изменить его привычную, будничную картину.

Ноктюрн — от франц. *nocturne* — «ночной»: музыкальное произведение лирического характера.

Несколько слов обо мне самом

Я люблю смотреть, как умирают дети.
Вы прибою смеха мгlistый вал заметили
за тоски хоботом?
А я —
в читальне улиц —
так часто перелистывал грóба том.
Полночь
промокшими пальцами щупала
меня
и забитый заборы,
и с каплями ливня на лысине купола
скакал сумасшедший собор.
Я вижу, Христос из иконы бежал,
хитона оветренный край
целовала, плача, слякоть.
Кричу кирпичу,
слов исступленных вонзаю кинжал
в неба распухшего мякоть:
«Солнце!
Отец мой!
Сжался хоть ты и не мучай!
Это тобою пролитая кровь моя льется
дорогою дольней.
Это душа моя
ключьями порванной тучи
в выжженном небе
на ржавом кресте колокольни!
Время!

Хоть ты, хромой богомаз,
лик намалюй мой
в божницу уродца века!
Я одинок, как последний глаз
у идущего к слепым человека!»

1913

Одно из четырех стихотворений, вошедших в первую книгу Маяковского «Я!». Изд. Г.Л. Кузьмина и С.Д. Долинского, 1913.